

Бэтпещера обычно тонула в глубоком, почти осязаемом безмолвии. Особенно теперь, когда воспитанники Брюса один за другим выросли и разлетелись из гнезда, она казалась совсем просторной и притихшей.

Чаще всего этот покой нарушал лишь внезапный возглас очередного вернувшегося «птенца»:

— Брюс! Я дома!

И тогда Брюс, неизменно сидевший в своем тяжелом рабочем кресле, лишь тихо и сдержанно хмыкал в ответ.

Но сегодня в пещере было на удивление шумно. Сыновья, облепив Сатору со всех сторон, оживленно перешептывались и так и норовили заглянуть ему через плечо — точь-в-точь как пернатый выводок, следующий за своей наседкой.

— Сэр, — подал голос Альфред, с безупречной грацией вручая каждому по чашке ароматного чая. — Глядя на вас, трудно избавиться от мысли, что роль заботливой наседки вам чертовски к лицу.

Брюс, шедший следом за этой пестрой компанией, недовольно обернулся к дворецкому.

Чтобы вернуть заблокированную память Сатору, нужно было растормошить его воспоминания в местах, оставивших самый глубокий след в его детстве. Поместье Уэйнов и, разумеется, Бэтпещера подходили для этого лучше всего.

Сатору вальяжно вышагивал во главе процессии, с любопытством разглядывая многочисленные трофеи Бэтмена. Обычно здесь, помимо витрин с костюмами Робинсов разных поколений, красовалось всё то опасное оружие, что было отобрано у готэмских безумцев.

И всё же среди грозных высокотехнологичных экспонатов затесалась одна странная вещь — крошечный, почти игрушечный бэт-бустер. Он сиротливо примостился за рядами стеклянных колб, и заметить его было непросто. Судя по габаритам, этот аппарат, даже оснащенный передовыми технологиями «Уэйн Энтерпрайзис», вряд ли мог подняться выше пары метров от земли.

Именно перед ним Сатору и замер.

— Что это за недоразумение? — нахмурился Дамиан, тиская на руках кота Альфреда. Мальчик явно не одобрял присутствие столь бесполезного хлама в отцовской коллекции.

— Брюс, неужели ты его сохранил?! — пока остальные недоумевали, Дик просиял от восторга.
— Я был уверен, что ты давно отправил эту рухлядь на свалку.

— О чём речь? — Джейсон с подозрением покосился на воодушевленного старшего брата.

Сатору тоже обернулся, уставившись на Дика любопытным взглядом ярко-синих глаз.

— О, тут целая история! Но лучше спросите Брюса, — заговорщически подмигнул Дик.

— Дик, — предостерегающе и устало выдохнул Брюс.

— Да ладно тебе! — Дик уселся прямо на пол и притянул Сатору к себе, обнимая за плечи.

На удивление, Сатору не стал задействовать свою Безграничность. Дик ощутил привычное тепло и с удовольствием устроил подбородок на макушке младшего, зарываясь носом в пушистую копну белоснежных волос.

— Мы ведь здесь ради его воспоминаний. Расскажи, Брюс, тебе жалко, что ли?

Раздался тихий шорох — остальные братья дружно расселись рядом, обратившись в слух. Птенцы ждали сказку.

Брюс окинул взглядом сыновей, сделал глоток чая и со вздохом сдался:

— Ладно.

Взглянув на крошечный бустер, он заметно смягчился. И стоило Брюсу начать рассказ, как в сознании Сатору медленно, со скрипом, приоткрылась старая, покрытая пылью дверь.

Это случилось давным-давно.

Сатору едва научился ходить, но его уже до глубины души возмущала собственная неуклюжесть. Ползать, покачиваясь из стороны в сторону, и плестись черепашьям шагом, чтобы, оглянувшись назад, обнаружить, что ты преодолел всего пару метров — это было выше его сил.

Огромное поместье Уэйнов манило его, но исследовать ему позволяли лишь комнаты особняка. На лужайку и в сад его выводили ненадолго и только под присмотром. Для свободолюбивого и шkodливoгo кoтa тaкoe зaтвoрничeствo кaзaлocь нeвынoсимoй пыткoй.

Понимая, что Брюс уже в курсе его странных талантов, мелкий проказник решил не скромничать. Как-то раз, выждав, пока опекун отвлечётся, он сосредоточил проклятую силу,

тонко отрегулировал притяжение и отталкивание — и, забавно покачиваясь, воспарил в воздух.

Брюс, мирно дремавший под ласковым осенним солнцем, открыл глаза и обомлел. Белобрысый карапуз, только что неуклюже топтавшийся на траве, словно поднимался по невидимым ступеням прямо в небо.

— Брюс! — восторженно пищал малец, паря над его головой и то и дело пытаясь ухватить мужчину за темные волосы.

— Сэр, — подал голос поливавший клумбу Альфред. Лейка в его руках замерла. Он с глубоким подозрением посмотрел на хозяина. — Вы ненароком не похитили ребенка Супермена? Полагаю, мы ещё не настолько отчаялись, чтобы красть чужих детей.

— Альфред, ты же прекрасно знаешь, чье это дитя, — проворчал Брюс, не оценив юмора.

Тем временем Сатору забирался всё выше. Брюсу пришлось прервать препирательства. С одной стороны, он наконец-то наглядно уяснил возможности способностей приемыша. С другой — карапуз поднялся на приличную высоту и теперь опасно раскачивался, готовый в любую секунду полететь камнем вниз.

Тяжело вздохнув, Брюс поднялся. Выждав идеальный момент, он сделал стремительный выпад и ловко перехватил летающее наказание поперек живота.

Сатору, не успевший вдоволь насладиться полетом, обиженно засопел, оказавшись на твердой земле. Прямо перед ним нарисовалось усталое лицо опекуна. Впрочем, обида быстро улетучилась: малыш ухватился крошечными ладошками за палец Брюса и залился звонким смехом.

— Ну и чудовище ты, — беззлобно прошептал Брюс, невольно улыбаясь.

Стоило дать слабину один раз, и Сатору было уже не остановить. Внутри особняка это ещё полбеды — Бэтмен или Робин всегда могли на лету поймать парящего под потолком сорванца.

Но в их отсутствие отдуваться приходилось Альфреду. Бывшему агенту МИ-6 приходилось откладывать серебряный поднос и с неожиданной для его лет прытью ловить летающего ребенка, на ходу укутывая его в плед, чтобы тот, чего доброго, не простудился на сквозняке.

— Надо что-то решать, — лениво заметил Дик, растянувшись на траве и щурясь на Сатору, который увлеченно кувыркался в воздухе. Поначалу эти трюки пугали до усрачки, но со временем все привыкли. — Может, попросим Супермена присмотреть за ним?

— Нет. Мы справимся сами, — отрезал Брюс, ковыряясь в каких-то чертежах.

Обычные бэт-гаджеты для таких целей не годились: стандартные бустеры поднимались слишком резко и высоко, что могло напугать ребенка, а гонять ради этого Бэтплан было верхом абсурда. Не найдя готового решения, Брюс заперся в мастерской, решив собрать специальный детский бэт-бустер своими руками.

— Так и появился этот прибор, — закончил Брюс. — Пришлось изрядно повозиться, чтобы сделать двигатели абсолютно бесшумными. Я хотел незаметно подлетать и снимать его с высоты.

Сейчас Брюс понимал, насколько наивной была эта затея. Для Шести Глаз, видящих мир на все триста шестьдесят градусов, бесшумный полет был как на ладони. Но маленький Сатору тогда послушно позволял себя ловить.

— И ты до сих пор хранишь эту рухлядь? — тихо спросил Сатору, не отрывая взгляда от миниатюрного устройства.

— Это часть моей самой ценной коллекции, — Брюс посмотрел на него со щемящей нежностью.

Ни Брюс Уэйн, ни Бэтмен никогда не умели легко отпускать прошлое. Костюмы Робинов, выстроенные в скорбный ряд в пещере, семейные фотографии, спрятанные в сейфах поместья — всё это было ниточками, связывающими его с теми, кого он любил.

— Пойдемте наверх, — Брюс легонько подтолкнул сыновей к выходу.

Всё-таки именно жилые этажи поместья Уэйнов хранили тепло их настоящей, домашней жизни.

Вся компания поднялась в комнату Дика. Хотя старший брат появлялся дома в лучшем случае раз в неделю, безупречный дворецкий содержал его обитель в идеальной чистоте. На заправленной постели красовалась аккуратно сложенная синяя пижама с эмблемой летучей мыши. Подобный гардероб был у каждого члена семьи; даже Альфреду как-то презентовали строгий черный комплект. Символика Бэтмена преследовала обитателей дома повсюду — вплоть до ушастой копилки на комоде.

Сатору замер на пороге. Ещё один замок на сундуке памяти щелкнул и открылся. В том воспоминании не было ничего героического, но от этого оно казалось ещё теплее. Особенно учитывая, что происходило оно под бдительным взором их строгого дворецкого.

Будучи наследниками миллиардера, они пресытились деликатесами. Роскошная кухня, которой восторгались обыватели, для обитателей поместья была обыденностью,

перерастающей в пытку — особенно когда за меню отвечал чистокровный британец, помешанный на здоровом питании.

В тот день маленький Сатору вел непримиримую войну с лежащей на тарелке бамией. Он уныло ковырял вилкой склизкие стручки. Видимо, некоторые пристрастия передаются вопреки законам генетики: Сатору питал к зелени такую же лютую ненависть, как и его приемный отец. Мерзкая, безвкусная, разваренная жижа. Ради сохранения «максимума витаминов» Альфред просто сварил её в слегка подсоленной воде, лишив блюдо даже намека на вкус.

Сидевший во главе стола Брюс откровенно клевал носом. Часы показывали час дня, но для закоренелого ночного хищника солнце за окном было личным оскорблением. Бэтмен мечтал лишь об одном: запихнуть в себя обед и уползти обратно под одеяло.

«Так-так...» — Сатору зорко оценил обстановку. Стоило Альфреду развернуться к плите за супницей, как мальчишка молниеносным движением свалил всю злополучную бамию в тарелку сонного родителя.

— Мастер Сатору, — раздался вкрадчивый голос вернувшегося дворецкого. Альфред уставился на подозрительно чистую посуду мальчика. — Позвольте узнать, куда делась ваша порция овощей?

— Они оказались такими вкусными, что я не удержался и съел всё сразу! — Сатору выпрямил спину и выдал самую невинную улыбку, на которую был способен. — Спроси у Брюса, если не веришь.

Брюс, чье сознание блуждало где-то в районе царства Морфея, уловил свое имя и заторможенно отозвался:

— А? Да... конечно.

Он даже не понял, о чем речь, но привычка доверять преданному дворецкому сработала на автомате.

Альфред перевел взгляд на тарелку Брюса, увенчанную внушительной горой тушеной зелени, и выразительно выгнул бровь.

— В таком случае, сэр, надеюсь, вы доедите свою порцию до конца. Без остатка.

Слово «доедите» подействовало на Брюса как ушат ледяной воды. Он мгновенно протрезвел, с ужасом воззрившись на зеленые склизкие джунгли в собственной тарелке.

Соседний стул пустовал, хотя приборы для Дика уже были накрыты. Брюс сладко зевнул, лихорадочно соображая.

— Дик ведь собирался сегодня встретиться с друзьями, верно?

Едва Альфред отвлекся на сервировку, как Бэтмен с хирургической точностью переправил всю бамию в тарелку своего первенца. Для надежности он досыпал туда же горсть вареного горошка, который терпеть не мог сам.

Сатору, наблюдавший за этим маневром, лениво подпирал щеку рукой и гонял вилкой уцелевшую горошину.

— В Готэме бушует гроза, полгорода из-за молний сидит без света, — меланхолично заметил он. — Где он там собрался развлекаться?

Словно в подтверждение его слов, в столовую влетел взъерошенный, мокрый до нитки Дик.

— Брюс! Сатору! — крикнул он, на ходу вытирая голову полотенцем, которое тут же подсунул заботливый Альфред. Дик плюхнулся на стул. — Что у нас на обед?..

Его радостный вопль оборвался на полуслове. Он уставился на гору зеленого кошмара в своей тарелке, а затем перевел полный немого укора взгляд на отца и младшего брата.

Отец и сын синхронно отвели глаза и с невиданным усердием принялись терзать свои стейки. Крошечные кусочки мяса под их ножами превращались в тончайшие, почти прозрачные ломтики. Они словно соревновались, у кого хватит терпения искромсать мясо мельче, начисто игнорируя возмущенное сопение Дика.

Дик брезгливо пошевелил вилкой склизкие стручки. Растущему организму требовались сочные бургеры и мясо, а не этот силос. Будь его воля, он бы запустил бамию обратно отправителям, но Брюс и Сатору сидели настороже, прикрывая свои тарелки локтями.

Однако сдаваться Грейсон не собирался. Его глаза хитро блеснули.

Пользуясь тем, что Альфред снова подошел спросить, как прошел день, Дик завязал с ним непринужденную беседу, а свободной рукой ловко скинул мерзкую зелень в широкий рукав своей толстовки с плотными манжетами.

Когда дворецкий наконец повернулся к обеденной зоне, перед ним сидели три благообразных джентльмена с абсолютно чистыми тарелками.

— Хм? — Альфред замер у стола. — Неужели вы всё съели?

— Разумеется! — хором соврали Брюс, Дик и Сатору.

Дворецкий лишь тонко усмехнулся и удалился на кухню. Но стоило троице облегченно выдохнуть, как бесшумно возникший за спинами Альфред щедрым жестом бахнул каждому еще по одной ложке вареной бамии.

— Раз уж вы так распробовали полезную пищу, не смею отказывать вам в добавке, — любезно прожужжал он.

За столом воцарилась гробовая тишина. Мужчины обреченно переглянулись. Юлить под носом у бывшего оперативного сотрудника, обладавшего зрением коршуна, было делом гиблым. Пришлось жевать.

— Но я честно съел горох! — попытался качать права Сатору.

— Но оставили всё остальное, мастер Сатору, — невозмутимо парировал Альфред.

Аргументов не нашлось. Скривившись так, словно его пытали, мальчик принялся заталкивать в рот волокнистую бамию.

Обед наконец закончился. Едва Дик отпер дверь своей спальни, как Сатору юркнул внутрь, запрыгнул на кровать и принялся яростно кататься по ней, заворачиваясь в мягкое одеяло.

— Больше никогда! Слышишь, никогда я не буду есть эту гадость! — взвыл он, превратившись в плотный кокон. Его круглые темные очки съехали на кончик носа, обнажая сияющие небесной лазурью Шесть Глаз, полные праведного гнева и детской обиды.

Из-за колоссальной нагрузки, которую Шесть Глаз оказывали на мозг, Сатору требовалось огромное количество глюкозы. Без сладкого он быстро утомлялся и мог просто упасть в обморок, поэтому Брюс старался не выпускать его надолго из поместья.

— Я хочу колу, картошку фри, шоколадный торт, пончики, ведро сладкого чая с шариками и вишневый мусс... — тараторил Сатору, засыпая вернувшегося из душа Дика бесконечным списком вредностей.

— Хватит, хватит! Пощади мои уши! — со смехом взмолился Дик, затыкая ладонью этот непрекращающийся поток жалоб. Он с нежностью и весельем посмотрел на взъерошенного белого проказника. — Ночью. Сбежим ночью и всё купим, идет?

Сатору затих и удивленно склонил голову набок, обдумывая заманчивое предложение.